

КРУГЛЫЙ СТОЛ “Общество и социология на пороге третьего тысячелетия”

19 марта 1999 года, г. Киев, Институт социологии НАН Украины

Организаторы: *Институт социологии НАН Украины, Социологическая ассоциация Украины, журнал “Социология, теория, методы, маркетинг”*

Abstract

On March 19, 1999, Institute of Sociology of the NAS of Ukraine, Sociologic Association of Ukraine, and “Sociology: Theory, Methods, Marketing” journal organized and conducted round table “Society and Sociology at the edge of Third Millennium” where leading Ukrainian sociologists discussed current situation and trends of society development, the contribution of sociologic science, in particular, national, to current social research.

На заседании Круглого стола обсуждались наиболее актуальные аспекты современного состояния и путей развития отечественной социологии, ее интеграции с мировой социологией сегодня и в ближайшей перспективе, а также стоящие перед учеными и обществом на рубеже тысячелетий проблемы в их социологическом ракурсе. В работе Круглого стола участвовали ведущие украинские социологи. Предлагаем читателям выступления участников заседания.

Вступительное слово

Николай Шульга, доктор социологических наук, заведующий отделом социальной психологии Института социологии НАН Украины, президент Социологической Ассоциации Украины

Конец столетия и конец тысячелетия побуждает к осмыслению пути, пройденного человечеством; это основание для того, чтобы поставить социальный диагноз обществу, для прогнозов и предсказаний.

Подобные по своему содержанию акции совершаются во многих странах, но в нашей, находящейся в состоянии формирования нового государства, нового общества, это событие имеет свою специфику. Смена столетий и тысячелетий дает нам повод задуматься о том, что у нас происходит, обобщить тенденции, подвести некоторые итоги. Годы после провозглашения независимости явились годами болезненного поиска самих себя, или, как написали авторы проекта программы “Украина—2010 год”, приближения к идентичности.

В этих условиях нам, социологам, собравшимся здесь, имеет смысл обсудить вопросы, касающиеся именно нашей науки. Если политологические вопросы постоянно пребывают в поле зрения общественности, то научное осмысление со-

бственно социологических проблем — не просто фиксация определенных событий и явлений на поверхности жизни, а стремление выявить их корни, глубинные тенденции в том, что происходит в обществе, — это наша задача.

Собрав этот Круглый стол, мы надеемся затронуть именно эти проблемы — и по содержанию, и учитывая то, что может сделать социология благодаря своему инструментарию.

Уважаемые коллеги, позвольте мне начать заседание Круглого стола “Общество и социология на пороге третьего тысячелетия”.

Какие проблемы стоят перед нами? Чего нам недостает как специалистам для того, чтобы глубже познать социальные явления, причем совершенно новые, для которых ни нашими отечественными предшественниками, ни нашими коллегами из других государств еще не выработаны определения и специальный инструментарий? Что мы в этом плане можем сделать? Вокруг этих вопросов я и предлагаю сосредоточиться. Мы намеренно достаточно широко сформулировали тему нашего Круглого стола: “Общество и социология на пороге третьего тысячелетия”, чтобы каждый, кто принимает участие в обсуждении, мог высказать собственную точку зрения о том, что представляется ему наиболее важным в преддверии знаменательной даты — смены тысячелетий.

Будущее социологии и типология социальных феноменов

Евгений Головаха, доктор философских наук, главный научный сотрудник отдела социально-политических процессов Института социологии НАН Украины, главный редактор журнала “Социология: теория, методы, маркетинг”

Когда человечество начинает отсчитывать последние годы столетия, оно в очередной раз обнаруживает небезграничность возможностей рационализма и объективных методов познания действительности. В обществе стремительно растет интерес к иррациональным учениям, теоретической эклектике и мистицизму, и многие сферы духовной жизни, связанные с рациональным познанием, приходят в упадок.

Это было заметно в конце XIX века, этого не удалось избежать и ныне, когда широкое распространение приобрел скепсис по отношению к познавательным возможностям наук об обществе. И прежде всего это касается социологии, подъем которой в начале и середине уходящего столетия сменился кризисом позитивистской методологии и расцветом эклектических концепций, отстаивающих право на методологический плюрализм не только в научном сообществе в целом, но и в каждой отдельно взятой голове членов этого сообщества. И хотя такого рода плюрализм поэт Наум Коржавин определял как шизофрению, теоретиков “постпозитивизма” это не смущает, поскольку золотой век социологии закончился, гиганты ушли из жизни, и заочные дискуссии с ними используются нынешними теоретиками преимущественно для самоутверждения в роли ниспровергателей былых кумиров.

Уже в 80-е годы о кризисе социологии говорили все, независимо от теоретических воззрений; в дискуссиях о том, умерла ли уже социология как самостоятельная наука или еще только агонизирует, приняли участие все крупнейшие социологи Запада — от патриарха Роберта Мертона до молодых тогда энтузиастов неофункционализма и постмодернизма, которые сегодня являются общепризнанными авторитетами науки.

Пока социологи-профессионалы дискутировали по вопросам, связанным с путями преодоления кризиса, лидирующие позиции в социальном познании захва-

тили глобалисты, для которых общество и социальные отношения в их традиционном социологическом понимании не значат ровным счетом ничего на фоне глобальной драмы человеческой цивилизации. Пытаясь найти ключи к решению проблем выживания человечества, глобалисты апеллируют к мировой экономике, геополитике, экологии, системам образования и т.п. — ко всему, что не может не волновать массы и властвующие элиты, но не должно отвлекать внимания социологов от главного — собственно социальных феноменов в их структурной связи и изменениях.

Возможно, на фоне глобальных проблем, от решения которых зависит судьба рода человеческого, частные теоретические проблемы одной из общественных наук могут показаться второстепенными. Однако в том и суть кризиса современной социологии, что в период актуализации глобальных проблем она не смогла возглавить новое интеллектуальное движение, уступив теоретические приоритеты широко мыслящим экономистам, политологам, экологам, историкам, публицистам, далеким от понимания закономерностей развития общества, структуризации социальных отношений и природы социальных явлений.

Кризис социологии касается прежде всего ее теоретических основ — возможности решить вопросы синтеза социологических теорий и аккумуляции социологического знания, сохранения специфики социологического знания в условиях нарастающего взаимопроникновения и интеграции наук о человеке. По мнению западных социологов, недостаточная активность в решении этих вопросов и привела социологию в последние десятилетия XX века к кризисному состоянию, а в перспективе следует ожидать скорее дальнейшей “концептуальной плюрализации”, чем появления теории “единого социологического поля”. При этом можно услышать и осторожный оптимизм относительно того, что в будущем социология сможет выполнять свою миссию как в общетеоретическом, так и в практическом социальном смысле. Такую точку зрения высказывал Э.Гидденс в своих известных тезисах о развитии социологии, сформулированных в 1985 году. Решающим условием дальнейшего развития социологии он считал свободу — политическую и социальную, а потому закончил он свой футурологический доклад словами о том, что не случайно социология практически не развита в СССР.

Советские социологи могли бы с этим не согласиться, но их мнение на Западе вряд ли кого интересовало в те времена, когда у нас единственно верной социальной теорией был исторический материализм. Но и сегодня, когда всеобщее внимание приковано именно к нашему посткоммунистическому миру, точка зрения и результаты исследований социологов, находящихся в эпицентре событий, остаются на периферии мировой социологической науки. В то же время социологи с далекого (от социальных потрясений современности) Запада не способны адекватно идентифицировать и объяснить многие социальные феномены, возникающие в процессе посткоммунистических трансформаций.

В этом контексте западная социология действительно подтвердила свою репутацию науки, преобладающей в кризисном состоянии. Но, к сожалению, мы сами и наши коллеги из ближнего зарубежья тоже не смогли продвинуться намного дальше в изучении новоявленной социальной реальности. По-видимому, это закономерный результат, поскольку в последнее десятилетие необходимо было, прежде всего, накопить достаточный эмпирический материал для последующих обобщений и избавиться от иллюзий, что в малодоступной нам ранее социологической литературе содержатся готовые рецепты получения достоверного социологического знания.

Я считаю, сейчас есть два пути, по которым можно было бы пойти. Первый — это попытка априорного теоретического синтеза в надежде создать теорию, объясняющую специфику социальных процессов, происходящих в постсоветском пространстве. Второй путь кажется менее привлекательным, но, на мой взгляд, явля-

ется обязательным для того, чтобы мы могли реально продвигаться по направлению к теоретическому синтезу. Это путь серьезного изучения тех социальных феноменов, которые возникли буквально на наших глазах и которые дают нам реальные основания для серьезных обобщений. Я специально выбираю термин “социальный феномен”, отличающийся от традиционного, идущего от Дюркгейма деления социологического знания на социальный факт и социальную теорию, потому что сейчас наступило время “феноменизации”. Мне в этом смысле очень импонирует определение П.Блау, который под социальным феноменом понимает наблюдаемые аспекты общественной жизни, то есть то, что находится в конкретном проявлении и доступно реальному наблюдению и исследованию социологическими методами. Поэтому, сосредоточив внимание на такого рода социальных феноменах, мы сможем накопить ту критическую массу социологического знания, которое позволит переходить к обобщающим социологическим теориям.

Что здесь необходимо сделать прежде всего? На мой взгляд, первым шагом к познанию природы, динамики и взаимосвязи новых социальных феноменов должна стать разработка исходной типологии, с последующим определением того, к какому типу данный феномен принадлежит. Таким образом не только станет возможной систематизация накопленных эмпирических данных, но и откроются перспективы социального прогнозирования. Для этого должен быть выбран адекватный критерий типологизации. Я предлагаю типологизировать социальные феномены по критериям, связанным с особенностями их проявления в социальном пространстве и времени.

Исходя из этих критериев, прежде всего следует выделить *универсальные социальные феномены*, которые существуют в обществе независимо от конкретно-исторических условий, независимо от форм его организации. Скажем, такое явление, как альтруизм, присуще человеку на всех этапах антропогенеза. Элементы альтруистического поведения наблюдаются в животных сообществах, и есть достаточно оснований считать, что альтруизм как социальный феномен будет сохраняться в социуме, что бы ни происходило с человечеством в будущем. К числу универсальных феноменов принадлежат отдельные социальные институты (например, семья), некоторые механизмы организации общественной жизни (например, нормативная регуляция социального поведения) и т.д. Универсальность социального феномена определяется по такому критерию, как пространственно-временная инвариантность. Это означает, что в социальном пространстве и времени для данного феномена всегда есть место, а изменяются только формы его проявления в конкретных социально-культурных условиях. Важным косвенным признаком универсальности является наличие аналогов данного феномена в животных сообществах, что позволяет более уверенно говорить о всеохватывающем характере данного феномена в развитии социальных отношений.

Есть феномены, которые возникают в конкретных историко-культурных условиях, затем исчезают и более не воспроизводятся. Это *преходящие феномены общественной жизни*. Классический пример — ритуальный каннибализм, который был широко распространен в прошлом, однако практически не наблюдается сегодня и крайне маловероятен в будущем. Похоже, что и патриархат можно будет отнести к тому же типу феноменов, если, конечно, дальнейшее развитие цивилизации будет осуществляться по сценарию, принятому наиболее экономически развитыми государствами. Преходящие феномены, в отличие от универсальных, не инвариантны в социальном пространстве и времени. Критерием “преходящести” феномена в будущем, даже если в настоящем он представляется универсальным, следует считать признаки локальных “выпадений” — например, война как социальный феномен вполне могла бы восприниматься как универсальный феномен, если бы не конкретные случаи существования локальных социальных сообществ без войн и организованного насилия. Вполне вероятно, что преходящим феноменом

является и тоталитарная политическая идеология. Однако вероятно и иная точка зрения, что этот феномен следует считать не преходящим, а циклическим, периодически возникающим и исчезающим.

Таков третий тип феноменов — *периодические социальные феномены*. Скажем, существует концепция, что рабство является периодически возникающим явлением: каждый раз, когда в человеческом обществе не хватает тягловой силы и энергии, возникает определенная форма рабства. Последним примером возрождения рабства были сталинские и гитлеровские лагеря, организованные для концентрации необходимой для подготовки к тотальной войне рабской силы. Критерием периодичности является неоднократная фиксация факта возникновения феномена с обязательными периодическими пространственно-временными “выпадениями”, когда данный феномен не представлен в общественной жизни.

И наконец, четвертый тип — это *кумулятивные социальные феномены*, которые создают основу для поступательного развития человеческой цивилизации, в конечном счете — для антропо- и социогенеза. Это феномены, которые появляются в обществе или группе в какой-то период и становятся основой их дальнейшего развития. Кумулятивные феномены не исчезают в процессе социогенеза, поскольку становятся его фундаментальными предпосылками (например, различные знаковые системы, институт государства и т.п.). Попытки интерпретировать кумулятивные феномены как преходящие (марксистская теория отмирания государства) могут приводить к трагическим последствиям для человеческой цивилизации. Противоположный пример со столь же тяжелыми последствиями — истолкование преходящего (или периодического) локального феномена как кумулятивного, реализованное в теории и практике построения “тысячелетнего рейха”. Дорогую цену человечеству приходится платить и при теоретической подмене универсальных феноменов преходящими (например, теории отмирания семьи как социального института). Приведенные выше случаи ошибочной типологизации социальных феноменов — это примеры из прошлого, и адекватную их интерпретацию человечество выстрадало, получив крайне болезненный опыт практического опровержения безответственного социального теоретизирования и экспериментаторства.

Однако в большинстве случаев априорно установить принадлежность конкретного феномена к тому или иному типу бывает крайне трудно. Собственно, эти трудности во многом и не позволяют построить непротиворечивую социологическую теорию современного общества, переживающего период посткоммунистической трансформации: мы пока не в состоянии ответить на принципиальные вопросы, касающиеся типологии таких феноменов, как постсоветский социально-экономический кризис, тотальная аномия, патернализм и амбивалентность массового сознания, всеохватывающая коррумпированность и т.п. К примеру, если всеобщая коррупция в постсоветском обществе является кумулятивным феноменом, это означает, что результатом последующих социальных трансформаций станет не построение развитой демократической системы, а создание преступно организованного государства, готового к восприятию той или иной тоталитарной идеологии. В свою очередь, необходимо решить и вопрос о том, преходящим или периодическим феноменом является та или иная тоталитарная идеология. Ответ на данный вопрос позволит прогнозировать и будущую идеологию, которая может возобладать в перспективе. Если же постсоветская коррупция — преходящий феномен, исчезающий вместе с остатками тоталитарной организации общества, появляются основания для благоприятного прогноза, касающегося перспективы демократических преобразований.

Наряду с общими для всех постсоветских государств, возникают и специфические феномены, характерные для отдельных новообразованных независимых государств. В Украине таким феноменом является само независимое государство. До сих пор в массовом и элитарном сознании наблюдается скепсис относительно

способности украинцев успешно завершить строительство самостоятельного государства. Высказывается мнение о глубинных этнокультурных корнях антигосударственности украинцев — об универсальном неприятии собственного государства. С другой стороны, этот феномен можно оценить и как периодический. Мы видим, что периодически в украинском сообществе возникает потребность интеграции с Россией. Это было в период Переяславской Рады, это наблюдаем и сейчас, когда, несмотря на почти единодушное голосование за независимость, интеграционистские тенденции становятся все более мощными, и в конце концов, они могут обладать в общественном мнении и привести к новой интеграции. Является ли этот феномен циклическим, периодическим или преходящим? Ответ на этот вопрос во многом зависит от способности социологов обобщить огромный материал, накопленный в эмпирических исследованиях последних лет.

И само социологическое знание можно рассматривать как совокупность гносеологических феноменов. Если нам удастся понять, какие именно компоненты социологического знания являются универсальными, периодическими, преходящим и, наконец, кумулятивными, тогда мы, собственно, и разрешим проблему, которую не смогли решить социологи 80-х годов в дискуссиях о развитии социологической теории. Они так и не пришли к общему мнению: является ли социологическое знание кумулятивным. Именно этот вопрос мы должны подвергать обсуждению: являются ли получаемые нами результаты наращиванием знания или это просто расширение круга информации, которое неизбежно приводит к противоречиям и конфликтам внутри социологического сообщества. Перспектива развития социологии в третьем тысячелетии во многом будет зависеть от того, удастся ли найти веские доказательства кумулятивности теоретического социологического знания. Для украинских социологов и их коллег из ближнего зарубежья решение этой задачи прежде всего связано с необходимостью разработки теории “трансформирующегося общества”, способной не только объяснять новые социальные феномены, которые в этом обществе возникают, но и служить основой для прогнозирования перспективных трансформаций.

Социология и политика

Виктор Танчер, доктор философских наук, профессор, заведующий отделом истории, теории и методологии социологии Института социологии НАН Украины

Взаимоотношения социологии и политики — это традиционная дилемма развития социологической науки. Тем более актуальна она для современного состояния социологии в Украине. С одной стороны, политическая жизнь и связанные с ней заказы на исследования являются тем источником, который помогает социологии выжить. Избирательные кампании в наших условиях в значительной мере подкармливают социологию. С другой стороны, политические интересы, как это всегда бывало, вызывают искажение социологических знаний, заданную извне направленность социологического анализа и его выводов. Примером такого отрицательного влияния политики на социологию я считаю подпись нашего директора под письмом “В защиту русского языка”.

Здесь были затронуты два принципа социологии: во-первых, что касается объективности, опоры на факты (в данном случае все происходило “с точностью до наоборот”, поскольку защищать нужно сейчас украинский язык), и во-вторых, что касается таких отношений власти и социологии, где бы политическая обусловленная прислужническая функция социологии не выходила за пределы самоуваже-

ния. Думаю, что раз уж приходится в должной мере служить властям, то хотя бы своим, а не иностранным.

Программа нашего сегодняшнего Круглого стола свидетельствует, что политическая проблематика доминирует и, собственно, выходит за рамки социологического анализа. Ведь размышления о путях развития общества — это преимущественно социально-философская проблематика, и она во многом близка проблемам развития сугубо социологической науки. Вместе с тем, я думаю, что реально перед нами — два направления развития общества: есть общее цивилизованное направление, которого придерживается большинство развитых стран, и есть попытки оспаривать это направление. То есть можно двигаться или вперед, или назад, и не существует никакого третьего пути, а всевозможные разговоры о каком-то особом пути, о некоей возможной конвергенции, по моему мнению, — не более, чем игра в угоду тем политическим силам, чьи интересы не совпадают с этим общим цивилизованным путем.

Относительно перспектив нашей социологической науки. Я считаю, что у нас все-таки доминирует прикладной аспект, по большей части распространены описательные, обзорные исследования, тогда как теоретическая рефлексия, анализ — в упадке. Это объективное состояние. И весьма парадоксальное. Ведь период, который переживает наше общество сегодня, прежде всего является кризисным, трансформационным, расцениваемым как период экспериментов над собственным населением, а следовательно он весьма благоприятен для продуцирования новых идей, выработки оригинальных теоретических концепций и т.п. Тем не менее этого не происходит, не наблюдается прироста чисто теоретического анализа. Мы все еще пользуемся или классическим наследием, или современной западной социологической мыслью. Своего, действительно оригинального, новаторского, что могло бы обогатить мировую социологию, пока что не появляется. В частности, примером использования достижений мировой мысли является то, чем занимался в последнее время наш отдел (истории, теории и методологии социологии). Это — проблема постмодернистских тенденций в развитии общества, а также изучение политических элит и неоэлитических теорий применительно к современной Украине. Так, теория демократического элитизма предлагает типологию политических элит для трансформирующихся государств. По этой типологии собственно Украину вместе, скажем, с Болгарией, Румынией и Россией относят к странам, которым присущ разобщенный тип элиты. И если в остальных восточноевропейских странах имеет место консенсусно-объединенный тип элиты, то у нас — именно разобщенная элита. Более того, в нашей стране не произошло смены элит, как это случилось в других странах Восточной Европы. И это послужило причиной того кризисного состояния, которое наблюдается ныне, торможения процессов реформирования общества, в остальных странах происходящего более быстрыми темпами. Уверен, что нашей ситуации больше отвечает та гипотеза типологии элит, которая исходит из факта, что у нас, в сущности, сохранилась элита бывшая, партийно-номенклатурная, которая раскололась на два лагеря: на кланово-эгоистическую элиту, находящуюся у власти, и на оппозиционную, коммуно-ностальгическую, оттертую от властных структур. Можно также говорить о каких-то зачатках национально-государственнической элиты, поскольку она еще не сложилась, и о технократически-профессиональной предпринимательской элите, формирующейся в последнее время. Именно с последней, я считаю, стоит связывать надежду на уважительное непредубежденное отношение к социологии как к науке, а не пропагандистско-информационной прислуге, и в конце концов, на более адекватную направленность общественного развития.

Социология и глобализация

Анатолий Арсеенко, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела экономической социологии Института социологии НАН Украины

В последнее время исследование феномена глобализации занимает приоритетное место в западной социологии. Сегодня трудно встретить работу, посвященную анализу актуальных проблем современности, в названии которой не встречалось бы понятие «глобализация». Этот термин относительно недавно введен в научный оборот и употребляется в социологическом лексиконе для обозначения планетарных по своему размаху интеграционных процессов на исходе XX века. Речь идет об экономических, социальных, политических, технологических, финансовых, торговых, транспортных, трудовых, культурных, информационных и коммуникационных процессах глобального характера и всемирного масштаба.

Ускорение глобальных процессов накануне вступления человечества в третье тысячелетие обусловлено рядом политико-идеологических, экономических и технологических причин. Демонтаж социализма и дискредитация марксизма в результате развала СССР и социалистической системы в Восточной Европе расширили сферу влияния рыночной экономики. Возрастание роли транснациональных корпораций и транснациональных банков в интеграционных процессах и создание глобального финансового рынка способствовали дальнейшему развитию и углублению мирохозяйственных связей. Новая технологическая революция, в особенности, в области средств информации и коммуникации, положила начало постинтернационализации экономической жизни. Все это вместе взятое ведет к постепенной трансформации мировой экономики в глобальную экономику.

Глобальные политические, экономические, технологические и другие изменения на международной арене в начале 1990-х годов вызвали эйфорию во многих западных странах. Глашатаем «конца истории» в связи с торжеством западного универсализма выступил известный философ Ф.Фукуяма. В этом контексте он отмечал, что в наши дни «возникает достаточно явный консенсус относительно либеральной демократии как системы правления, поскольку она одержала верх над соперничающими идеологиями». «Таким образом, — подчеркивал он, — она стала завершающим пунктом идеологической эволюции человечества и окончательной формой любого человеческого правления... идеалом либеральной демократии, который не может быть улучшен в плане принципов».

Однако вскоре после развала СССР на смену общепланетарному «новому мировому порядку» пришел «новый мировой беспорядок». Глобальный экономический и финансовый кризис, разразившийся в 1997 году, заставил многих официальных идеологов рыночной экономики и либеральной демократии не только пересмотреть свои оценки последствий глобализации, но и изменить свое отношение к марксистской теории. Показательно, что последняя книга известного американского финансиста Дж.Сороса, вышедшая в свет в конце 1998 года, называется «Кризис глобального капитализма». Весьма примечательно и то, что сегодня автор этой работы во всеулыбании говорит о том, что нынешние недостатки глобальной капиталистической системы можно сгруппировать в «пять основных категорий»: неравномерное распределение благ; нестабильность финансовой системы; угроза глобальных монополий и олигополий; неоднозначная роль государства; проблема ценностей и социального согласия.

В наши дни отнюдь не многие социологи на Западе берутся доказывать преимущества глобального капитализма. На смену апологии либеральной демократии идет поиск новой парадигмы развития, получившей определение «третьего пути». Именно так называется опубликованная в конце прошлого года книга известного британского социолога Э.Гидденса, встреченная критикой в штыки за попытку

“идеологического обслуживания” социологической наукой интересов правящей лейбористской партии. И тем не менее, признание Гидденсом необходимости смены традиционных вех в развитии капитализма является весьма симптоматичным. По мнению французского социолога Ж.Бодо, квинтэссенция новой парадигмы развития должна заключаться в достижении социального прогресса и большего равенства. Это вызывается беспрецедентным обострением проблемы глобального неравенства в конце XX века и в развивающихся, и в развитых странах, и в особенности, между странами ядра, с одной стороны, и полупериферии и периферии — с другой.

Массовое обнищание населения стран «третьего мира» убедительно свидетельствует о несостоятельности теорий «догоняющего» развития. Никогда ранее в истории мировой цивилизации глубина пропасти между развитыми и развивающимися странами не достигала таких размеров, как сегодня. В 1960 году соотношение между доходами 20% наиболее богатого населения мира и доходами 20% наиболее бедного населения составляло 30:1, в 1990 — 60:1, в 1994 году — 78:1. Анклав бедности в Европе значительно расширился за счет пауперизации населения бывших социалистических стран. Бедность также является неизбежным спутником развитого капитализма. В 1999 году реальная зарплата «синих воротничков» в самой богатой стране капиталистического мира — в США — была на 25% ниже, чем в 1973.

Это убедительно подтверждает вывод видного американского социолога И.Валлерстайна о том, что «Великая иллюзия теории модернизации состояла в обещании сделать всю систему «ядром», без периферий. Сегодня вполне очевидно, что это невыполнимо». “Я думаю, — писал Валлерстайн, — Маркс оказался прав в одном из самых скандальных своих прогнозов, от которого впоследствии открестились сами марксисты. Эволюция капитализма как исторической системы действительно ведет к поляризации и к *абсолютному*, а не только *относительному* обнищанию большинства». К такому же выводу о постоянном воспроизводстве глобальным капитализмом чрезвычайного неравенства между классами и группами внутри стран и, особенно, между странами, а также к признанию правоты К.Маркса в этом отношении приходит и известный американский социолог Н.Смелзер в своей статье «Социальные трансформации и социальное изменение», опубликованной в конце 1998 года в издании ЮНЕСКО «International Social Sciences Journal». «Несмотря на то, что Маркс сейчас не в моде почти во всем мире, этот аспект марксистской мысли нельзя считать вышедшим из моды», — подчеркивает Н.Смелзер.

Если принять во внимание негативные социальные последствия глобализации, возникает вполне закономерный вопрос: является она естественно-историческим процессом или же это искусно управляемый со стороны «сильных мира сего» проект. Весьма точный ответ на этот вопрос дала недавно одна из уважаемых французских газет «Monde diplomatique». На страницах ее отмечалось: «Если Коминтерн как центр мирового пролетариата исчез, то Интернационал банкиров остался и функционирует достаточно успешно. Он имеет свои собственные «политбюро», свои собственные выборные органы, свою собственную пропагандистскую машину. Европейская комиссия, Всемирный банк, МВФ, ВТО, ОЭСР — именно они являются теперь теми координирующими органами, которые провозглашают и утверждают, зачастую в обстановке строжайшей секретности, указы и декреты, определяющие жизни миллионов людей». По нашему мнению, к этому перечню следует добавить и натовскую военную машину во главе с США, которой отводится особая роль в реализации планов глобального капитализма в обозримом будущем.

В преддверии XXI века американский империализм предпринимает очередную попытку установить свое «мировое господство». О необходимости достижения этой цели говорится в недавно опубликованном документе «Стратегия нацио-

нальной безопасности США для нового столетия». При этом необходимо отметить, что США не являются более экономическим лидером капиталистического мира и не будут таковым в будущем веке, но, вне всякого сомнения, остаются бесспорным военным лидером в мире капитала. Это, на мой взгляд, делает нынешние глобальные притязания США особенно опасными для всех стран, в том числе и Украины.

Особую тревогу вызывает тот факт, что военно-промышленный комплекс США настойчиво продолжает наращивать свои милитаристские мускулы. В подтверждение этого достаточно сослаться на то, что в 1997 году военный бюджет США достиг 272,9 млрд. долларов и составил 34% мировых военных расходов. В этой связи уместно напомнить, что в 1986 году военные расходы США всего на две трети превышали расходы на оборону «представляющих угрозу государствам». К последним в период холодной войны относились страны-участницы Организации Варшавского Договора, Китай, Куба, Иран, Ирак, Северная Корея, Ливия, Сирия и Вьетнам. В 1995 году военные расходы США были уже на 76% больше, чем расходы всех перечисленных выше стран, вместе взятых. По данным Лиги сопротивления войне, ежегодно 663 млрд. долларов изымается из карманов американских налогоплательщиков для поддержания военной промышленности. Вполне понятно, что нынешнее перевооружение всех видов войск США накануне вступления человечества в век дефицита ресурсов проводится отнюдь не для того, чтобы продемонстрировать достижения своей военной техники на авиашоу в Бурже и Фарнборо.

Инволюционная конвергенция и восхождение к синтезу

Евгений Суименко, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник отдела экономической социологии Института социологии НАН Украины

За последнее десятилетие конфигурация мирового социального пространства претерпела заметные и существенные изменения. Мир пришел в движение, и вместо биполярной мы сегодня имеем многополюсную его структуру, меняющуюся в непонятном, неопределенном направлении. Вслед за некоторыми учеными можно говорить о броуновском движении современного мира. И в связи с этим вполне естественно, что в последние годы усилился интерес к макросоциологическому анализу происходящих процессов. Если в этом плане обратить свои взоры к Украине, то внутренние факторы и причины, которые обуславливают направленность, содержание и сущность развития нашего общества, не могут быть адекватно поняты вне контекста глобализации современного мира. Впервые в истории мы имеем перед собой такое явление, когда общество движется от социализма... И вот тут возникает вопрос: к чему?

Вряд ли наименование состояния нашего современного общества “постсоциалистическим” может кого-либо всерьез и надолго удовлетворить. Ибо сразу же возникает вопрос: что же это такое? Явление это уникальное. Прецедент, аналогов ему нет. И вот что характерно, когда мы пытаемся осмыслить эту уникальность нашего положения. Бросается в глаза то, что попытки решения вопроса о выходе Украины из провального кризиса, при всем их кажущемся несходстве, вплоть до диаметральной противоположности, сходятся в главном — в своей ретроспективной направленности. Посмотрите, что получается. Одни, правые или правоцентристские силы, полагают, что этот выход состоит в возвращении Украины на путь “общечеловеческой”, то есть капиталистической цивилизации. Мы должны вернуться к некой нулевой, исходной точке, в которой в свое время был прерван, так сказать, естественный ход событий, и затем двигаться дальше в русле развития “человеческой цивилизации”. Итак, назад — к “возрождению”! Левые и левоцен-

тристские силы, в свою очередь, зовут нас тоже назад, но только не в лоно “человеческой цивилизации”, а к возвращению к Союзу. Одни полагают — к НЭПу, другие — к условиям сильной руки, третьи — к хрущевским начинаниям и т.д. Во всех случаях ретроспективный подход, ретроспективная направленность наводят на мысль, что, очевидно, в обществе действительно происходят какие-то попятные движения, когда, с одной стороны, действует неолиберальная тенденция возрождения капитализма в самой дикой ее форме, а с другой — заявляют о себе такие явления, совокупность которых можно было бы назвать модернизированным феодализмом.

Соединение этих двух попятных тенденций я называю *инволюционной конвергенцией*. О ней я уже писал в шестом номере нашего журнала за 1998 г., имея в виду причудливое, в известном смысле, противоестественное соединение худших социально-экономических черт неоконсерватизма (тэтчеризм, “рейганомика”) с отношениями модернизированного феодализма как порождения партноменклатурного режима.

Состояние это воистину противоестественное, парадоксальное. В чем заключается эта парадоксальность в сложившейся в украинском обществе ситуации? Падение производства при громаднейших производственных и кадровых ресурсах, нищета при колоссальном богатстве, обскурантизм и мракобесие при высоком уровне науки и ее институтов, деградация культуры при громаднейшем арсенале культурных ценностей. Я не согласен с теми диагнозами, с теми оценками, которые часто звучат в прессе, в частности зарубежной, где мы то и дело читаем: по таким-то и таким-то оценкам экспертов Украина находится на 102 месте, а по данным международного рейтингового агентства “Мудис” — на 108 месте среди других стран мира, отдавая “пальму первенства” в этом постыдном деле только Пакистану и Индонезии.

Мне думается, что тут происходит несусветная путаница. Но одновременно есть и большая проблема, которую пытался решить Евгений Иванович Головаха в своей книге “Трансформирующееся общество”, когда говорил о том, что у нас существует не обнищание, а иллюзия обнищания. Я не совсем с ним согласен, но соглашусь с тем, что в данном случае мы имеем дело с уникальным явлением, парадоксальность которого заключается именно в том, о чем я уже сказал. Я бы назвал это явление не “иллюзией бедности”, а низким уровнем жизни при высоком качестве жизни, низким уровнем жизни при высоком уровне научно-технической цивилизации. Ведь нельзя же нас ставить в один ранг с Пакистаном, Габоном или Берегом Слоновой Кости. Мы, страна, которая выпускает космические ракеты, имеет высокоразвитое машиностроение и т.д., вдруг оказались отброшенными назад, в архаическое состояние дикости. И здесь я подхожу к одной из главных мыслей своего выступления.

Все наши беды, на мой взгляд, проистекают из того, что накопившиеся в обществе за последние двадцать-тридцать лет противоречия все реформаторы, старые и новые, пытались и пытаются до сих пор разрешить неадекватными природе этих противоречий способами. Какие только за последние годы мы не напяливали на себя одежды и модели реформ! Неолиберальная модель в смягченном эмиссионными кредитами шоковым варианте. Чем закончилась эта попытка? Галопирующей инфляцией, преградившей дорогу инвестиционным вливаниям, кредитованию производства, а значит приведшей к его падению. Не получилось. Начали давить этот вариант неолиберализма новым вариантом — монетаристским, с тем чтобы приглушить, сбить инфляцию. Тоже не получилось. Производство не заработало, вложения, инвестиции не последовали, как должно было быть по логике этой модели, ибо на смену гиперинфляции пришла практика взаимных неплатежей и хронических невыплат зарплаты. Заговорили о другой крайности — о необходимости этатистских методов реформирования, и в частности о неокейнсианской модели. И снова топтание на месте и безысходность.

Дело в том, что сердцевина нашей экономики — производственный комплекс, который раньше назывался народно-хозяйственным комплексом, — к моменту преобразований оказалась настолько внутренне сращенной, обладающей высоким уровнем технико-технологической интеграции и обобществления совокупного труда, что этот мегаполис оказался неподъемным для либерально-рыночных, частнособственнических отношений. Отсюда — все наши беды, хотим мы этого или нет. Отсюда — и уникальность нашего кризиса. Отсюда — мучительные поиски выхода из него.

Где и в чем искать этот выход? Думаю, что состояние инволюционной конвергенции, как непродуктивное и противоестественное в условиях глобализации современного мира, не может долго длиться. Оно должно иссякнуть под напором конструктивных по содержанию тенденций в нашем обществе. Я полагаю, что методология решения стоящих перед Украиной проблем должна заключаться в признании необходимости диалектического синтеза позитивных наработок, полученных в рамках противоположных по духу, по смыслу, по алгоритмам своего функционирования двух типов общественного строя — капиталистического и социалистического.

Конвергентные теории, как вы знаете, не нами придуманы. Они родились на Западе под влиянием несомненных достижений, позитивов социалистического общества и означают, в конечном счете, признание синтеза ценностей той и другой систем. В апологетическом угаре наши коммунистические идеологи долгое время высокомерно отворачивались от этих концепций, забывая, во-первых, о том, что марксистский принцип отрицания (и тем более закон отрицания отрицания), который им надлежало бы знать, имплицитно содержит в себе момент синтеза-снятия, и во-вторых, об известной политико-практической установке Ленина на “соединение противоположностей”. Не страдают ли подобным высокомерием наши сегодняшние капитализаторы? В связи с этим хочу обратить внимание на то, что в 20-е годы Ленин призвал к НЭПу: мы далеко, слишком далеко забежали вперед и необходимо вернуться назад, к капиталистическим инструментальным ценностям.

Сейчас не та ли ситуация, когда, отбросив “тоталитарный социализм”, наши реформаторы лихо, бойко бросились в рыночную экономику и столь далеко в нее “забежали”, что впору сдать назад, дав место синтезу социалистических позитивных наработок с ценностями маневренного рынка и частнособственнических отношений? Похоже, что так. Подобная тенденция наблюдается сейчас в России. Недавние выступления Примакова, а также Михаила Задорнова, который заговорил о достоинствах плановых механизмов хозяйствования, — не есть ли это симптом того, что происходит тот синтез, та конвергенция, которую наши украинские реформаторы дружно игнорируют? Люди начинают задумываться: не пора ли вернуться к наработкам социалистического общества, а это есть обращение к диалектическому синтезу, к процессу конвергенции.

О будущем социологии: тезисы Э.Гидденса в свете проблем развития отечественной социологии

Олег Скидин, кандидат философских наук, доцент, докторант кафедры отраслевой социологии Киевского национального университета имени Тараса Шевченко

Среди тем, предложенных организаторами нашей встречи для обсуждения сегодня, наше внимание привлекло приглашение высказаться по поводу статьи Энтони Гидденса “Девять тезисов о будущем социологии” (см.: альманах THESIS, 1993, т. 1, № 1, с. 57—82), в основу которой положена его лекция, прочитанная в апреле 1986 года с целью очертить круг задач теоретической социологии в обзори-

мом будущем — естественно, ближайшем для лектора, но уже осуществившемся хронологически для нас, полемизирующих о будущем социологии в марте 1999 года. На случай, если кто-либо не помнит эти тезисы, напомним их.

1. Социология постепенно утратит социально-теоретический привкус минувшего столетия.
2. Возникнет теоретический синтез, который вновь придаст связность социологическим дискуссиям.
3. Главный объект социологического анализа будет существенно переосмыслен.
4. Социология будет уделять большее внимание изучению мировой системы, чем до сих пор.
5. Прежние междисциплинарные границы в социальных науках постепенно утратят былую четкость.
6. Социологи вновь заинтересуются крупномасштабными долговременными процессами социальной трансформации.
7. Участие социологии в формировании практической социальной политики и проведении реформ станет более активным.
8. Социальные движения будут по-прежнему играть первостепенную роль в качестве стимула социологического воображения.
9. Социология по-прежнему останется предметом дискуссий.

Прежде всего возьмемся прокомментировать последний тезис, тем более, что сам Гидденс уделил его раскрытию только несколько фраз. Он, во-первых, отметил, что не ждет в ближайшем будущем достижения консенсуса как в теории, так и в интерпретации результатов исследований. Действительно, такого консенсуса нет и сейчас. И во-вторых, речь шла о недовольстве теми социологами, которые не будут бояться обнародовать малоприятные для власть предержащих истины. Ведь не случайно, по мнению Гидденса, социологическая дисциплина так слабо развита в Советском Союзе (сказано это незадолго до Чернобыльской катастрофы).

Теперь же, в марте 1999 года, в связи с выборами мэра Киева, а вскоре и президента Украины, поллстеров ожидает не только большая работа с долгожданной финансовой поддержкой, но и немалые неприятности, ибо они будут, вероятно всего, предъявлять свои результаты с указанием определенного лидера рейтинга (и потому остальные участники избирательной кампании и их сторонники будут, мягко говоря, несколько удивлены любым конкретным результатом, не совпадающим с их амбициозными ожиданиями). Большая часть поллстерских фирмочек не сможет привести убедительных для специалистов доказательств надежности их рейтинга и потому вообще престиж отечественных социологов будет снижаться и дальше, поскольку публика охотнее всего берется судить о нашей науке прежде всего на основании таких рейтингов. Полагаем, что нашему профессиональному сообществу по силам подготовить законопроект относительно правил получения и публикации результатов массовых опросов. Но только кто во властных структурах в этом действительно заинтересован? Ведь если политика — дело нечестное, то и социологическую “рыбку” по-прежнему лучше ловить в мутной околонучной “воде”.

Благодаря публикации в 1995 году перевода трактата по социологии знания Питера Бергера и Томаса Лукмана “Социальное конструирование реальности” уже не должно быть возражений по поводу утверждения, что социология изобретена людьми как специальная наука для открытия законов и закономерностей функционирования общества. Кстати, по образному высказыванию Петра Штомпки, общество — это необычная область реальности, поскольку судьба общества в значительной степени зависит от того: а) как люди видят общество, б) каким представляя его будущее и в) насколько они информированы как субъекты социальной деятельности и каким образом осознают общественные процессы. Ведь траек-

тории движения планет не меняются в зависимости от прогресса астрономии, однако уровень социологических знаний существенно влияет на направление социальных преобразований.

Итак, теперь мы можем уже по порядку коснуться тезисов Гидденса, ибо здесь, на Круглом столе, видим необходимость говорить о теоретической социологии, которой, по большому (по гамбургскому, как иногда говорят) счету, у нас пока еще нет. Хотя, конечно, есть теоретическая деятельность отдельных наших соотечественников, хорошо известных присутствующим. Причина проста и сложна одновременно: очень слаба теоретико-социологическая коммуникация, а посему сегодняшняя акция может только уточнить направления такой остро актуальной коммуникации. К месту, наверное, вспомнить образное высказывание нашего московского коллеги — Александра Филиппова — о том, что редкие эпизоды теоретической коммуникации можно сравнивать с островками и даже целыми архипелагами в океане мировой социологии, тогда как применительно к российской приходится, в лучшем случае, говорить об одиноких рифах, неожиданно появляющихся и исчезающих. Это суждение справедливо и для украинской социологии, только расстояние между такого рода рифами у нас больше, как минимум, на порядок. Нельзя забывать о том, что существует в качестве проблемы, заслуживающей обсуждения, многомерная взаимосвязь между непосредственным социальным опытом исследователя, той научной традицией и интеллектуальной средой, на которые он ориентируется, и так называемыми мировыми, то есть более или менее распространёнными и признанными стандартами социологического исследования.

Поиск путей решения этой проблемы должен быть скоррелирован с вышеназванными тезисами. Тезис о том, что социология в XXI веке утратит социально-теоретический привкус XIX века, полагаем, очевиден. Этот привкус станет невозможен в контексте теоретического синтеза, ожидаемого Гидденсом, а также профессором И.Н.Гавриленко (нашим коллегой по кафедре), ибо исторический материализм как теорию социальных преобразований не трудно объявить устаревшим, но представить ему убедительную доморощенную замену архисложно, поскольку вряд ли теперь отечественному обществоведы удастся опереться на идеологические “костыли”.

На вопрос, как должен быть переосмыслен объект социологического анализа, ответ видим в коротком тезисе: объект любого социологического исследования должен быть представлен в виде многомерного социального пространства, где без каких-либо исключений должен иметь свое законное место и социальный субъект (о котором нередко забывают), осуществляющий некие социальные изменения, и условия его деятельности, равно как и условия исследовательской деятельности самих социологов.

Далее коротко по тезисам. Отраслевые социологии неуклонно будут плодиться далее путем преодоления междисциплинарных границ, а среди интенсивно развивающихся должна оказаться социология международных отношений либо социология геополитики, в предмете которой будут отражены крупнейшие долговременные процессы социальной трансформации, инициированные новыми социальными движениями. Поэтому еще большее развитие и значимость приобретут разнообразные социальные технологии, с помощью которых в XXI веке будет формироваться прагматическая социальная политика.

Завершая наше выступление, считаем необходимым еще раз обратиться к отечественной социологии на исходе XX века (по аналогии с тем, что поэзия для славянской души является феноменом большим, чем поэзия для души европейской и, тем более, для американской) и предложить следующие тезисы, характеризующие нашу науку за последнюю треть века. Если западная социология в большой мере замкнута на себя и дистанцирована от властных структур, то советская социология, не успев возродиться в 50 — 60-е годы, большей частью функционировала в

контексте задач, которые формулировались посредством субъектов партийной (прежде всего) и хозяйственной деятельности того периода. Известное различие между субъектами позволяло иметь некий “люфт”, и тогда смысл собственно социологической работы состоял в рационализации и развертывании будущего посредством критики настоящего силами советских интеллектуалов. Реинтерпретируя общество, они реформировали не только содержание социальной доктрины марксизма, но и язык общественознания, создавали новые стандарты социального познания, среди которых — служение истине, высокий профессионализм, порядочность и прочее, что в социологии было принято считать “кодексом научной честности”. Теперь, в условиях так называемой рыночной экономики идеалы и ценности социологического бытия недавнего прошлого проходят существенное испытание на прочность.

Об уходящем поколении “шестидесятников” можно говорить как о людях и ученых, сумевших быть свободными в несвободном обществе. Поэтому самое время сейчас перекреститься и сказать, что поколение первого десятилетия следующего столетия, похоже, может оказаться несвободным в так называемом посттоталитарном обществе, ибо связь между властью и наукой, опосредованная бюджетом, неуклонно трансформируется в короткий поводок ручного управления. Предчувствие пессимистическое и весьма реальное.

Журнал социологов и для социологов: информация и просвещение

*Ольга Иващенко, кандидат философских наук, заместитель
главных редакторов журнала “Социология: теория, методы, маркетинг”*

90-е годы в развитии отечественной социологии обозначены институционализацией ее как одной из ведущих общественных наук и введением профессионального социологического образования в стране на фоне существенного пересмотра многих устоявшихся в советской социологии взглядов на общество.

Специальные издания по общей и практической социологии учебного и научно-исследовательского направления, опубликованные в Украине на протяжении 90-х годов, свидетельствуют об изменениях в направлениях развития и состояния современной украинской социологической мысли. Именно в это время возникла необходимость учреждения научного социологического периодического издания академического уровня для публикации статей ведущих ученых и преподавателей вузов Украины по вопросам общей и прикладной социологии, которые бы углубляли научные знания о современном состоянии общества и содействовали объективному пониманию современных трансформационных процессов в посттоталитарном социальном пространстве.

Инициативу и ответственность за издание специального социологического журнала возложил на себя Институт социологии НАН Украины, ведущее научное учреждение в стране, в состав которого входят известные и авторитетные научные работники, которые в течение продолжительного и непростого исторического периода отстаивали право на существование социологической мысли в идеологически устоявшемся перечне общественных дисциплин.

Журнал “Социология, теория, методы, маркетинг” — первый в отечественной научной истории всеукраинский социологический журнал, основанный в 1997 году с целью информационной поддержки на профессиональном уровне процесса становления и развития профессиональной социологии в Украине.

Учреждение социологического журнала на рубеже тысячелетий обуславливает его концептуальное направление — аналитическое рассмотрение современных социальных процессов сквозь призму новейшей социологической мысли, отечественной и зарубежной. Приоритетным, стратегическим направлением развития нашего академического периодического издания избрано сравнительное социологическое изучение трансформирующихся обществ. Излишне акцентировать важность именно таких оснований отбора журнальных публикаций для развития отечественной социологии, да и современной социологии в целом, когда сравнительный аспект исследовательского поиска “восток—запад” с начала 90-х годов занимает главенствующее место в ряду исследуемых.

Ориентация журнала на формирование информационного “коридора” для отечественной социологии в научно-исследовательском международном пространстве призвана быть взаимовыгодной и для социологической науки в Украине, и для зарубежного социологического представительства. Редколлегия журнала и в дальнейшем будет тщательно подбирать научно-исследовательские материалы, отвечающие современному методическому и методологическому уровню социологических исследований.

С другой стороны, журнал будет постоянно заботиться об ознакомлении заинтересованного отечественного читателя с новейшими теоретическими направлениями современной социологии. Настоятельной проблемой в плане приближения отечественной социологии к международному исследовательскому уровню, требующей решения, редколлекцией признан недостаточный уровень методического обеспечения отечественных социологических исследований. Статьи, способствующие расширению методического “кругозора” социологов Украины, будут постоянно публиковаться на страницах журнала.

Украинское общество в конце XX столетия переживает глубокие социально-экономические и политические изменения, которые отечественная социология старается всесторонне проанализировать. То, что происходит в постсоветском трансформационном пространстве, можно считать неопенимой социологической лабораторией для научного изучения отечественными, да и, в значительной мере, западными учеными. Сочетание научных интересов отечественной и западной социологической науки послужило отправной точкой формирования концепции журнала.

Читатели первых номеров журнала могли заметить, что тематика его достаточно широка и охватывает самые разнообразные научно-исследовательские разработки отечественных социологов. Значительное внимание уделялось освещению разработок специалистов-социологов по применению избирательных технологий. Редакция, открывая рубрику “Выборы-98 в социологическом измерении”, считала необходимым привлечь внимание читателей к надлежащему современному уровню социологических исследований, осуществляемых в последние годы в Украине во время избирательных кампаний специалистами по эмпирической социологии.

После распада СССР в научном социологическом сообществе постсоветского пространства появились признаки некоторого “затухания” взаимосвязей и научных контактов, которые, впрочем, в последние годы постепенно восстанавливаются и приобретают признаки стабильности (прежде всего это касается сравнительных исследований по родственным темам). Так, в журнале из номера в номер печатаются статьи известных российских социологов.

Интересными для читателей, по мнению редколлегии, будут переводы новейших научных разработок авторитетных социологов дальнего зарубежья, среди которых, к тому же, есть члены нашей редколлегии.

Особое место среди тематических направлений журнала, бесспорно, будет занимать болевая тема постчернобыльских социальных последствий, которая в теч-

ние более чем десяти лет составляет сердцевину в исследовательской практике Института социологии НАНУ.

Одной из приоритетных задач журнала стало обнародование материалов, посвященных социологическим измерениям, применению новых методик, тестов, которые должны расширить диапазон методов социологических исследований, осуществляемых в Украине.

Журнал с самого начала своего существования начал печатать лекционный курс по социологии, подготовленный ведущими учеными Института социологии под редакцией доктора социологических наук С.А.Макеева (в 1993 году этот курс был признан одним из лучших учебных пособий в рамках Программы “Трансформация гуманитарного образования в Украине”). Наши читатели имели возможность ознакомиться с авторским видением содержания основных тем курса общей социологии, учитывая новейшие тенденции ее развития.

Помимо хорошо известных направлений развития социологического знания, журнал значительно вниманием уделяет публикации материалов по новым и актуальным темам современной социологии, а в рубрике “Современный социологический словарь” постоянно предлагаются толкования научных понятий новейшей социологии. Тема гендера и гендерных исследований в социологии вводится на страницах журнала с целью институционализации ее как социологии гендера в украинской науке.

Молодая генерация украинских социологов в своем научном поиске нуждается в поддержке со стороны своих наставников и старших коллег, и журнал стремится помогать в этом важном для будущего украинской социологической науки процессе. В каждом номере на суд читателя выносятся статьи аспирантов или соискателей, чем редакция вносит посильный вклад в научное “продвижение” молодых коллег.

Маркетинговые исследования, не так давно почти не известные в украинской эмпирической социологии, все больше занимают “умы и руки” практиков многочисленных маркетинговых служб и фирм. Для определения маркетинга как темы, крайне нуждающейся в профессиональном пересмотре для его качественного профессионального развития, редакция пошла навстречу пожеланиям и предложениям социологов, которые работают в этой области, и решила ввести маркетинг в само название журнала. Статьи по маркетинговой тематике тщательно рассматриваются редакционной коллегией и отражают мнение редакции относительно важнейших и полезнейших материалов для становления и развития маркетинговых исследований в Украине.

Журнал будет и впредь систематически освещать важнейшие события научной жизни социологов Киева и регионов Украины, внося вклад в возрождение Украинской Социологической Ассоциации как профессионального сообщества социологов. Рубрика “Научная жизнь” постоянно знакомит читателей с конференциями, семинарами, Школами молодых социологов, которые проводятся в Украине и за ее пределами.

Конечно, как и в каждом профессиональном журнале, редакция журнала “Социология: теория, методы, маркетинг” считает своим долгом сообщать читателям о весомых научных социологических монографиях и изданиях, публикуя рецензии и аннотации книжных новинок.

Надеемся, что благодаря поддержке украинского социологического сообщества, чувству профессионального долга и энтузиазму, присущим лучшим его представителям, наш журнал сможет “пережить” непростое время своего становления и выстоять, чтобы и в дальнейшем играть информационно-просветительскую роль в формировании профессиональной социологии, придерживаясь высокого академического уровня научных публикаций, что призвано способствовать вхождению

отечественной социологической науки в международную социологию на рубеже третьего тысячелетия.

В каком обществе мы живем?

Валерий Хмелько, доктор философских наук, заведующий кафедрой социологии Национального университета “Киево-Могилянская академия”

Я бы предложил поговорить о том, в каком обществе — с точки зрения макро-социологии — мы живем. Макросоциологический подход позволяет рассматривать общество не в деталях, а как целое, как систему, представляющую один из тех исторических типов общества, которые принято выделять в социологических теориях. Когда человеческое общество рассматривается в масштабе тысячелетий, применяется несколько типологий. В англоязычных университетских учебниках социологии чаще всего используют типологию, разработанную Герхардом Ленски. В соответствии с этой типологией, использующей в качестве типологического критерия преобладающую в обществе «технологию существования» (*subsistence technology*), мы, то есть Украина, находимся на этапе «послеаграрного» общества — в основном уже индустриального (хотя еще и не в полной мере).

Такая характеристика общества, поскольку она относится к уровню развития его производительных сил, является, конечно же, наиболее фундаментальной, но не достаточной. Необходимо учитывать также и тот тип отношений, которые в нем господствуют. Или, как говорят сегодня, — тип регуляции (или саморегуляции) экономической системы общества и тип саморегуляции его политической системы.

Я хочу обратить ваше внимание на то, что тот тип регуляции экономических процессов, который существовал в советском обществе до того, как оно распалось на 15 обществ, на некоторых этапах его эволюции обеспечивал очень быстрый рост производительных сил — в период индустриализации в 30-е годы и в первые 10—15 лет после Второй мировой войны. По темпам роста национального дохода на душу населения до начала 60-х годов мы лидировали в мире. Но на протяжении 60-х годов это лидерство в темпах мы утратили. И ответственны за это, по-видимому, те отношения, которые существовали в нашем обществе. А отставание в росте производительности общественного труда по сравнению с наиболее развитыми индустриальными странами, — то есть по тому критерию, который тогдашние наши идеологи сами считали наиболее важным, — продолжало нарастать и в 70-е, и в 80-е годы. И я думаю, что без объяснения причин этого отставания трудно правильно понять и те проблемы, которые мы переживаем в последние девять лет.

Дело в том, что с начала 50-х годов тот процесс глубокого преобразования производительных сил индустриальных обществ, который мы называли научно-технической революцией, а на Западе — научно-технологической, радикальным образом изменил систему воспроизводства общества («воспроизводства жизни») в странах Западной Европы, Северной Америки, а также в Японии и в некоторых других странах. Однако в тех общественных отношениях, которые существовали в нашей стране, этот процесс «не пошел». Те отношения не давали простора для индивидуального творчества и инициативы в деле разработки и широкого применения в производстве эффективных технологических процессов, возможных на основе новейших научных открытий. Фактически мы утрачивали возможность повышения качества наших производительных сил, и к началу 80-х годов, а особенно 90-х — по сравнению с наиболее развитыми индустриальными обществами — мы потеряли около 30—40 лет развития. И попытки наверстать за последние 7—9 лет упущенное в построении адекватных общественных отношений пока ни-

каких ощутимых результатов не дали. Более того, эти попытки выглядят как своего рода броуновское движение, не ориентированное на поиск тех форм отношений, форм социальных зависимостей и связей, которые побуждали бы общество быстрее развиваться на наиболее фундаментальном уровне – на уровне производительных сил.

Думаю, что нашему обществу не удастся решить эту проблему прежде всего из-за того, что политическая система регуляции – на уровне, который в любом обществе имеет свой центр, – сама пока что не структурирована, не построена таким образом, который давал бы возможность фундаментально изменять отношения, сложившиеся в экономике. Здесь, на мой взгляд, сформировалась самая монополизированная – с точки зрения ограничения конкуренции – система. Даже более монополизированная, чем существовавшая в советском обществе. Конечно, в том обществе не было такой развитой конкуренции, как в демократических обществах рыночного типа. Но существовала конкуренция между представителями номенклатур разного профиля. Вы знаете, что кроме иерархии партийных статусов, параллельно существовали иерархии статусов государственных, хозяйственных, профсоюзных и комсомольских. Существовали и процессы перемещения между этими иерархиями по своеобразной спирали. Причем подъем на более высокий уровень любой иерархии чаще всего проходил через борьбу между функционерами разных иерархий. И эта борьба давала несправедливо ущемленным рядовым членам общества хоть какую-то вероятность найти защиту у какого-нибудь функционера – если не одной иерархии, то другой. После же радикального преобразования системы власти в начале 90-х годов фактически осталась только одна номенклатура – государственная. Причем в рамках исполнительной власти – номенклатура фактически монопольная. И сегодня чиновничество может делать с нами почти все, что хочет – и с людьми наемного труда, и, особенно, с предпринимателями.

Эта система политической регуляции жизни общества – пока политические партии не развились в достаточно мощные, реально влиятельные организации – строится, как это принято сейчас называть, на «клановой» основе. Но этот термин в действительности ничего не объясняет. И я думаю, что существующие механизмы политических и социально-экономических зависимостей, то, чем они препятствуют и чем способствует развитию наших производительных сил, – это тот предмет, который заслуживает нашего профессионального внимания и изучения в той максимальной степени, в какой это позволяют современные методика и технология социологических исследований.

Роль субъекта в становлении новой системы социальных представлений

Елена Злобина, кандидат философских наук, старший научный сотрудник отдела социальной психологии Института социологии НАН Украины

Я начну с цитаты из Николаса Лумана. В 1987 году, в работе “Что такое коммуникация?”, рассматривая тенденции развития социологии, он писал: “Прежде всего я исхожу из того неоспоримого факта, что всеми нами признанная дифференциация таких дисциплин, как социология и психология, и усиливающаяся в течение более чем столетия специализация исследований привели к уже не интегрируемым знаниям о психологических и социальных системах. Ни в одной из специальных дисциплин не найдется исследователя, который мог бы охватить знание в целом, но совершенно ясно, что в обоих случаях мы имеем дело с высококомплекс-

сними структурированными системами, собственная динамика которых непроницаема и нерегулируема для любого наблюдателя”. При этом, по словам Лумана, “понятие “индивид” или “субъект” используется как пустая формула для одного, самого по себе высококомплексного факта, который выпадает из компетенции психологии и уже не интересует социологов”.

Я бы сказала, что современный период развития отечественной социологии характеризуется обратной тенденцией — к интеграции психологического и социологического подходов как раз вокруг категории субъекта. В течение последних десятилетий наблюдается как рост интереса к психологической проблематике среди социологов, так и активизация попыток психологов выйти на социологическое поле. И социологи в этом плане выступают успешнее и, пожалуй, более профессионально. Можно привести в пример, скажем, книгу психологов “Российский менталитет”, под редакцией Л.Абульхановой, где предпринята попытка прямого наложения психологических постулатов на общесоциологические закономерности, которую, по-моему, нельзя считать особенно удачной, и одновременно вспомнить о работах, выполненных в социологии под руководством И.Клямкина, Н.Лапина, И.Поповой, В.Ядова и других, которые позволили реально увидеть роль и место субъекта в ходе современных социальных трансформаций. Поэтому можно сказать, что в науке назревает попытка нового осмысления ситуации, когда категории “субъект” и “личность” приобретают значение ключевых на пересечении социологического и психологического знания, что требует развития новых теоретических подходов к проблеме роли субъекта в ходе социальных трансформаций.

Эта проблема очень сложная, и сложна она, в первую очередь, потому, что наряду с существованием социальной реальности как таковой существует мир социальных представлений, который является частью этой реальности. Одновременно в этой же самой реальности существует субъект. Субъекты действуют, и в процессе их деятельности происходит мультипликация всего выше названного. Субъект имеет свою собственную модель мира, свою собственную модель социальной реальности и свою собственную модель социальных представлений, которые так или иначе соотносятся с общепризнанными социальными представлениями. И в тот момент, когда он действует, им движут не только социальные представления, которые существуют в общественном сознании, но и личные детерминанты.

Когда наши уважаемые политики комментируют предвыборную кампанию и утверждают, что “кандидат X является кандидатом пенсионеров”, а “кандидат Y является кандидатом служащих”, одновременно предсказывая, что “предвыборная кампания вся в целом будет эксплуатацией чувства страха”, они как раз демонстрируют попытку оперировать отдельно социологическими и отдельно психологическими, эмоциональными категориями, а это не дает четкой картины того, что происходит в обществе. Ведь люди одинакового, в том числе и пенсионного, возраста и одинакового социального положения, имеют зачастую разное представление о происходящем, поскольку они руководствуются не только системой социальных представлений, но и своей личной картиной мира.

Одной из типичных стереотипных моделей описания и объяснения происходящего, возникшей еще во время перестройки, было утверждение, что население “психологически не готово к тому, что происходит”, хотя с научной точки зрения психологическая деконструкция (изменение мира социальных представлений) предшествовала изменению социальных реалий, которые отражались этими социальными представлениями. И если мы вспомним то, что происходило в период так называемой перестройки и после нее, то сразу же можно представить себе, что были моменты, когда в сознание внедрялись представления о том, чего не было в реальности. Скажем, впервые мы услышали обращение “господа”. Если проанализировать, что мы тогда почувствовали, то можно зафиксировать субъективную реакцию отторжения. То была реакция на нечто неожиданное, его неприятие. Хотя

самого “факта господ” давно не существовало, существовала, однако, очень хорошо укорененная, где-то в укромном уголке сознания гнездящаяся информация о том, что господ нет по определению, поскольку быть господином значило уже “не быть”. То есть в системе социальных представлений не было реального образа господина, совместимого с советской реальностью. Но он появился и стал существовать сначала в социальных представлениях. Сегодня есть соответствующее образование в общественном сознании и есть реальность, которой отвечает образ господина. И есть еще нечто, произошедшее за годы трансформаций. Соответствующая реальность и соответствующие образы реально включились в жизненный мир отдельной личности. Я приведу в качестве примера реальное жизненное наблюдение. Когда сегодня преуспевающий бизнесмен при входе в парадное говорит сидящим на скамеечке пенсионерам “добрый вечер, господа”, он слышит в ответ “здорово, барин”. То есть появилось явление, сформировался новый образ и родилось новое отношение к новой реалии.

Реальное явление не может быть отторгнуто, но должно быть включено в жизненный мир личности. При этом личность руководствуется своей субъективной логикой. Есть классический психологический постулат, который гласит, что ситуация для человека не такова, какой ее видим мы, а такова, какой видит ее сам человек. Сейчас в обществе существуют новые реалии и множественность социальных представлений, посредством которых люди пытаются постичь одинаковые реалии. И в этой множественности представлений личность пытается найти свое видение. Я сошлюсь на классические эксперименты Аша по изучению конформности. Все мы хорошо представляем человека, который попадает в экспериментальную группу и, видя белый предмет, слышит, что все называют его черным. Эта аналогия, кстати, хорошо демонстрирует, что система социальных представлений отражает реалии, но это абсолютно не значит, что отражение обязательно адекватно. Мы все знаем, что на “белое” не только можно, но зачастую и нужно говорить “черное”. Но вот представим себе ситуацию, когда все говорят “черное”, “черное”, “черное”, а человек видит “белое” — и вдруг заходит еще один человек и тоже говорит “белое”. Это то, что происходило в начале перестройки. Потому что если раньше человек знал, где и когда он не может, по определению, сказать “белое”, поскольку за этим последуют какие-то нормативные санкции, то сейчас он этого не знает. Сейчас сложилась совершенно новая ситуация, когда существует нечто неопределенного цвета, и один говорит — это “зеленое”, другой — “красное”, третий — “синее”, а человек должен в этом выбрать “свой” цвет, создать свой образ реальности.

Речь идет об одной и той же реалии, но отношение к ней может быть полярным. Одного и того же политика некоторые считают невинной жертвой, а другие — закоренелым преступником. Это как раз и есть специфика личностного восприятия — видеть то, что хотелось бы видеть. Кроме того, эти образы несут не только рациональный компонент, и именно поэтому так существенна проблема субъекта. Причем, кроме рациональной оценки факта, есть эмоциональное отношение к нему личности. А это эмоциональное отношение, с одной стороны, во многом определяет действия субъекта, а с другой — само определяется мерой его депривации. Если у человека все есть и ему хорошо, он смотрит на неконтролируемый рост бедности как на неизбежное зло. Но если у населения в целом наблюдается высокая мера депривации жизненно необходимых потребностей, то растет эмоциональный фон, который толкает людей к негативному спектру оценок и выбору из всего множества имеющихся на сегодня представлений о различных реалиях тех, которые окрашены в соответствующие тона.

Таким образом, характеризуя сегодняшнюю социальную действительность, следует говорить о множественности новых социальных реалий и одновременно наличии целенаправленных попыток сформировать новую систему социальных представлений. Изучая этот процесс, социологи не могут не учитывать, что факти-

чески новая система социальных представлений будет создана тогда, когда масса субъектов осуществит свои личностные предпочтения и произойдет структуризация, в результате которой социолог зафиксирует, что такое-то число респондентов предпочли такое мнение, а такое-то — другое. Поэтому мне кажется, что социология XXI века будет исследовать не только классическую социальную структуру общества, но и его социально-психологическую структуру, которая дает видение общества не только по традиционным параметрам, но и по тому, какие социальные группы формируются на основе тех или иных социальных представлений.

Украинское общество на рубеже третьего тысячелетия

***Николай Михальченко**, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник ИС НАН Украины, президент Украинской академии политических наук*

Я хотел бы перевести разговор ближе к названию нашего Круглого стола “Общество и социология на рубеже третьего тысячелетия”. Мы больше говорили о социологии и меньше об обществе. Глобализация и фрагментация мирового социально-экономического и политического пространства фактически уже состоялись, сколько бы мы ни говорили об однополюсном, двухполюсном или многополюсном мире. Изменения возможны, но больших — в ближайшее время не будет, так как нет качественных предпосылок для этого. Качественные предпосылки для этого могут появиться, если Россия снова заявит о себе как супердержава или реализует свои потенции Китай; Европа тоже может стать таким полюсом, но еще очень не скоро. Процесс интеграции только вступает в развитие, хотя некоторые думают, что эти процессы сейчас доминируют в мире. Дело в том, что интеграционные сдвиги практически идут так: шаг вперед, шаг в сторону, шаг назад. Интегративные тенденции то исчезают, то возникают снова, и еще рановато аплодировать интеграции в Европе. Одна или две страны могут всю эту интеграцию сломать, и от нее ничего не останется.

Например, декларированная открытость украинского общества, а фактически нецеленаправленность и неопределенность — является ли это фактором интеграции? Может, эта неопределенность есть, наоборот, фактор дестабилизации украинско-европейского пространства, так как Европа не знает, что мы такое и куда мы двинем, и все ожидают, что же с нами будет. То есть сейчас, как я убедился в дискуссии с американскими и европейскими политологами и социологами, нас рассматривают скорее как фактор, способный нарушить всю систему европейской безопасности. Каков стратегический выбор Украины? Сейчас распространено мнение, что между Востоком и Западом. Я уверен, что это не совсем так. Если брать на государственном уровне — это стратегический выбор между жизнью и смертью страны. Выбор между Востоком и Западом — скорее мировоззренческая проблема, чем сугубо практическая в сфере экономики и политики. Запад, как видим, боится не только украинской мафии, о чем у нас обычно пишут. Восток же хочет оставить нас в вассальной зависимости. Я недавно услышал по радио “Свобода” результаты опроса общественного мнения в России, и преобладающим мнением среди россиян относительно Украины является убеждение, что украинцы — это те же россияне, но второго сорта, и “никуда они не денутся”. И этот опрос проводился на территории от Дальнего Востока до Европейской части России.

Есть еще один миф, на котором я хотел бы остановиться. Это — интеграция в союз славянских государств, о чем говорит Александр Николаевич Ткаченко. Практические действия в этом направлении вполне может предпринимать исполнительная власть.

Насколько возможна вообще такая интеграция? Она возможна в случае объединения экономических систем на основе общей цели и гармонизации интересов: ни того, ни другого мы не видим в России и в Украине. Разные цели и разные экономические структуры. Интеграция возможна при отсутствии существенных отличий в политических системах и общности ориентаций политических и экономических элит. Это — бюрократия плюс предприниматели, которые эту бюрократию поддерживают и содержат. Не сложно оценить, насколько общими являются цели политических режимов России и Украины.

Интеграция возможна, если идеологии правящих элит не конкурентны. Идеологии же Украины и России (о Беларуси я здесь не говорю) явным образом конкурентны, даже у левых, украинских и российских, имеются существенные расхождения в идеологии. Я считаю, что элиты и в Украине, и в России просто не готовы к интеграции и пока что не допустят этого. Психологической ориентации большинства населения (по крайней мере, в этом плане), пожалуй, маловато. Старшее поколение ориентируется на интеграцию, а среднее и младшее уже значительно меньше. Если же не учитывать этих факторов, получим не интеграцию, а ситуативный “верхушечный альянс”, лишенный перспективы.

Вспомните Объединенную Арабскую Республику, Большую Колумбию Симона Боливара и тому подобное. Это были сугубо ситуативные и непродолжительные объединения.

Кроме того, есть такие факторы, которых мы вообще не учитываем. В России нет сейчас финансовых ресурсов, чтобы, так сказать, “съесть” Беларусь, а тем паче нет их на Украину. Только Беларусь требует 2 миллиардов долларов, чтобы “уравнять” социальные системы, пенсионное обеспечение и т.п. Украина потребовала бы 15 миллиардов долларов со стороны России. Есть ли у России сейчас такие средства? А без этого разве можно говорить об интеграции?

Недавно мы с Юрием Николаевичем Пахомовым провели экспертизу по 12 показателям развития Украины. Есть ли вообще у Украины шансы на выживание? Мы брали комплексные показатели: экономика; политическая система; наука; образование; воспитание; здравоохранение; социальная защита; коммунальные услуги; транспорт; средства массовой информации; институты гражданского общества (политические партии, профсоюза и т.п.); семья и демографическая ситуация. Ни один из 12 показателей в Украине не обнаружил предпосылок движения вперед. И потому заявления политических деятелей любого направления, что у нас якобы происходят какие-то реформы, что мы куда-то продвигаемся, абсолютно безосновательны. Повторяю, ни по одному из этих главных показателей нет движения вперед. Мы только сдаем позиции.

Что же касается процесса становления государственности в Украине и модели политического режима, то в Украине уже апробированы несколько вариантов. Вариант демократического развития применялся в 1991—1993 годах в наших условиях и с треском лопнул, а Леонид Кравчук, пытавшийся его осуществить, проиграл выборы 1994 года. Причин много: неспособность перестроить экономику, противоречивый характер политического режима, отсутствие четко определенных целей государственного строительства, а вместо того “украинское” понимание демократии как игнорирования всех законов и т.д. То есть украинский вариант демократического развития оказался нежизнеспособным. Вариант просвещенного авторитаризма (его идеологами были Дмитрий Табачник и Дмитрий Выдрин; помните их книжку) тоже не сработал. Прежде всего потому, что ни новый президент, ни его компилятивная команда не имели потенциала и сил, чтобы осуществить его, и на практике вместо просвещенного авторитаризма мы имеем клановый режим и уголовное государство. Это демонстрирует, в частности, пресса. Судьбу этого режима нетрудно предсказать. Наиболее вероятен в такой ситуации новый вариант авторитарного режима — левого или центристского плана.

Идея установления порядка любой ценой доминирует ныне в общественном мнении; об этом свидетельствуют социологические исследования, контент-анализ прессы, выступления большинства политиков, экспертные опросы. Если такой режим будет установлен и не даст положительного эффекта, то возможны несколько моделей: а) дезинтеграция Украины; б) переход на полуколониальные позиции в отношении Востока или Запада; в) образование новых союзов славянских или иных государств или вхождение в состав России, если там в конце концов закончится смута, но я полагаю, что смута в России в течение ближайших пяти—семи лет не закончится, она будет длиться еще по крайней мере 10—15 лет.

К вопросу о создании системы показателей современного состояния общества

Юрий Саенко, доктор экономических наук, заведующий отделом социальной экспертизы Института социологии НАН Украины

Я бы хотел поговорить об оценке состояния общества. Вынужден повторить (ибо об этом сегодня уже упоминалось), что немало выдающихся социологов едины в том мнении, что все-таки мы имеем нечеткую науку, которая дает мозаичное представление об обществе. Какие направления я вижу в развитии социологии и в том, чтобы она становилась в большей мере наукой? Первое направление — это использование самой научной структуры, так сказать, научности самой социологии, а именно: любые теории, любые оценки должны строиться на базе формальной логики, то есть речь идет о системе постулатов, системе утверждений и системе анализа и выводов. Если мы будем придерживаться в любом исследовании этих требований и формальной логики, то социология будет все больше становиться наукой. Второе направление внутринаучное, то есть социология должна больше применять междисциплинарные подходы, основанные на объединении оценок и взглядов на общество многих наук. И наконец, если мы вспомним Платона, который говорил о способностях разума, эмоций, воли и веры, а еще вспомним известные слова Тютчева “умом Россию не понять, аршином общим не измерить”, то в этом контексте может быть весьма интересной и плодотворной попытка общемировоззренческой интеграции, то есть объединения трех картин мира или оценок общества — создаваемых наукой, искусством и религией. То есть — это три различных измерения, и, очевидно, нам недостаточно только научной картины, а следовательно, нужно обратиться к такому комплексному многоаспектному общемировоззренческому видению. Относительно же подходов или концепций, которые разрабатываются в нашем институте и, в частности, нашем отделе социальной экспертизы применительно к оценке состояния общества и его измерения, то я бы хотел сказать, прежде всего, что мы приходим к выводу, что сейчас необходимо объединение таких трех систем данных об обществе, как официальная или административная статистика, социологические данные и экспертные оценки. И мы уверены, что только такое объединение, в едином комплексе, в едином аналитическом блоке может дать нам наиболее полное и адекватное видение состояния общества и его проблем.

Далее, мы подошли к тому, что рассматриваем состояние общественного сознания с точки зрения целого ряда показателей: первое, что мы должны фиксировать, это социальные представления, социальные стандарты и социальные гарантии, второе — обеспеченность во всех сферах жизни данного общества, третье — уровень удовлетворенности, четвертое — социальные намерения и пятое — реальное поведение. Я думаю, что, с одной стороны, только такой комплекс показателей

может дать реальное представление о состоянии общества и общественного сознания, а с другой — социолог, который изучает ту или иную проблему, на основании такой системы показателей будет знать, что собственно он исследует, какую именно форму общественного сознания он изучает. И последнее, нужно в конце концов привлечь к анализу такое понятие, как потенциал общества.

Самоорганизационная парадигма в социологии

Любовь Бевзенко, кандидат социологических наук, докторант Института социологии НАН Украины

Мне бы хотелось отозваться на прозвучавшее здесь слово “самоорганизация”. Это то направление в социологии, которым в свое время интересовались многие из присутствующих — и Ю.И.Саенко, и Ю.И.Яковенко, и В.Е.Хмелько. Уже в который раз упоминают о нем В.И.Судаков, и, как сказала Н.В.Панина, их с Е.И.Головахой поиски тоже сопряжены с идеей социальной самоорганизации. И все же, на мой взгляд, эта парадигма как новое теоретическое направление в социологии заслуживает большего внимания. Я с параноидальной настойчивостью ввожу слово “самоорганизация” в название почти каждой своей работы не только потому, что сама увлечена этой идеей, но еще и из соображений ее пропаганды, из желания привлечь к ней внимание всех, кто говорит о необходимости свежих теоретических моделей, новых подходов к моделированию социальных процессов.

Потенциал этого теоретического инструментария, с моей точки зрения, очень велик. Во-первых, в области микро- и макроинтеграции, о которой много говорилось и на нашем Круглом столе (в мировой социологии это одна из самых широко обсуждаемых и разрабатываемых проблем). Во-вторых, в тех перспективах, которые открывает самоорганизационное направление в плане междисциплинарного поиска, а также в плане поиска адекватных моделей кризисных, нестабильных моментов социодинамических трансформаций.

В обществоведческой литературе последних лет, да и в выступлениях участников нашей сегодняшней встречи не раз упоминалась та ситуация в западной социологии и политологии, когда весь мощный арсенал имеющихся на данный момент наработок оказался бессилем в том, что касается прогнозирования даже теоретической возможности развала СССР, причем в результате внутренних причин, а не внешних воздействий. Российский обществовед Б.Е.Бродский (в журнале “Общественные науки и современность”, № 6 за 1997 год), подробно проанализировав самые современные теоретические системы западных социологов — П.Бурдьё, Э.Гидденса, Н.Лумана, Ю.Хабермаса, показал, что все они ориентированы на гомеостатические состояния социальной системы, на периоды ее относительной стабильности. В этом кроется, с моей точки зрения, как бессилие этих моделей в ситуациях посткоммунистических стран, так и та смутно осознаваемая потребность социологов этих стран в ином, адекватном соответствующим общественным состояниям, теоретическом осмыслении. То, что самоорганизационный подход может быть здесь очень плодотворным, для меня не вызывает сомнений. Не случаен активный поиск в этом направлении польских социологов, о котором говорил В.И.Судаков. В российской обществоведческой литературе самоорганизационная парадигма находит приложение к самым разным исследовательским задачам: психологическим, социологическим, политическим, гносеологическим, анализу местной истории, текстовой стилистики и многому другому.

Другое дело, что часто обращение к этим идеям сводится скорее к некоторой интуиции, чем к четкой теоретической платформе. Но о появлении хорошо вы-

строенной теории социальной самоорганизации пока говорить рано — есть еще только множество “вариаций на тему”. Это пространство для интересного теоретического поиска и научных дискуссий. Тот ряд понятий, которые вводятся этой теорией, может успешно срабатывать в поиске ответов даже на те вопросы, которые ставились сегодня.

Вот, например, В.И.Судаков задал вопрос о том, где реально локализуется социальный кризис, как это может быть соотнесено с индексом социального самочувствия, который разрабатывается Е.И.Головахой и Н.В.Паниной? Одно из ключевых понятий самоорганизационной модели — понятие социальной энтропии, которое соотносится с мерой социального хаоса, мерой неупорядоченности и кризисности социальной системы, — начинает работать в общей самоорганизационной схеме только в том случае, когда индивидуальный, микроуровневый вклад в общий энтропийный показатель мы помещаем на уровень даже не представлений человека о социальном мире, а переживания человеком себя как включенного в социальное целое, как его неотъемлемой части или же как исключенного из социума, находящегося в его маргинализированных слоях. Кризис наступает в том случае, когда энтропийный показатель достигает критических значений, критическая масса людей переживает свою социальную невостребованность и отторженность. А это близко к тому, что измеряется индексом социального самочувствия.

Самоорганизационное структурирование общества происходит не на основе рационально выстроенных проектов и планов, а путем спонтанного выхода на новые консолидирующие структуры. Механизмами консолидации в кризисные моменты становятся спонтанно возникающие социальные общности, объединяющие членов социума общим мифологическим пространством, игровым взаимодействием (игра здесь понимается в том ключе, который задается Й.Хейзингой). Именно таким образом происходит самоорганизационное снижение энтропийных показателей. Нигде человек не чувствует себя столь значимым, как в увлекательной игре. Посмотрите, что происходит сейчас в этом зале — мы все увлечены интеллектуальной игрой, и вопрос о том, будет ли обществу от этого какой-то прок или нет, с моей точки зрения, вторичен.

Нам этого не дано знать — в кризисные моменты все может решить случайность, влияние любого действия может быть непредсказуемым. С уверенностью можно сказать лишь одно: что мы локально — здесь и сейчас — снижаем уровень социальной энтропии, а это уже дает хотя бы минимальный прок.